

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛУХ

На дверях учительской появилось объявление, приглашавшее всех желающих поступить на бесплатные курсы обучения игре на семиструнной гитаре. Научиться играть на гитаре хотели многие ребята. Не во всех дворах имелся свой гитарист. Это было время тюремно-уголовной лирики.

В темных дворах на садовых скамейках толпились кодлы ребят и самый горластый, изображая из себя блатного, надрывно орал песню еще неизвестного тогда Высоцкого:

«Ударил первым я тогда – так было надо!»

Я решил записаться на курсы и пристал к родителям, умоляя купить мне гитару. Две недели пришлось добывать четверки и пятерки и не получать замечаний, прежде чем родители сдались и мы пошли в магазин. Мне сразу понравилась небольшая черная гитара. Если по ее краю провести тонкую белую каемку, то она будет выглядеть потрясающе.

Наступил день приема на курсы. Я пришел со своей черной гитарой и был страшно рад, что такой ни у кого больше не было. Все желающие собрались в кабинете пения, и учительница стала проверять музыкальный слух. Выглядело это довольно просто: очередной испытуемый становился спиной к роялю, а учительница несколько раз стучала по белой клавише в пределах одной октавы. Затем надо было найти эту клавишу. Испытание было ерундовое, и все быстро один за другим его проходили. Я вовсе не боялся проверки и трепался с Андрюхой Тимохиным. Подошла моя очередь. Я смело вышел, повернулся спиной к роялю и подмигнул Андрюхе, который состроил мне рожу. К своему удивлению я не смог найти нужную клавишу.

– Ничего, давай попробуем еще раз, успокоила меня учительница.

Но и со второго и с третьего раза мне так и не удалось найти нужную ноту. На четвертый раз даже из четырех белых клавиш я не смог угадать нужную. Народ от моего неумения был просто в восторге. Так уж видно устроена человеческая натура. Радовался даже Андрюха.

– Хватит! – вдруг сказала учительница, – у тебя очень плохой музыкальный слух, вернее, его нет вообще, и лучше тебе записаться в какую-нибудь спортивную секцию, легкую атлетику, например.

Ребята дружно заржали, а Андрюха громче всех.

– Не надо смеяться, такое бывает, и ничего страшного тут нет. У людей от рождения разный музыкальный слух – у кого хуже, у кого лучше.

– А у него хуже всех! – радостно крикнул какой-то гад, и я не успел заметить кто, а то устроил бы ему в туалете настоящую проверку музыкального слуха.

Я вышел из класса как оплеванный и остановился, прикрыв за собой дверь. Хотел тут же разбить гитару, но живо представил себе, что со мной за это сделает отец.

«Это надо же, как несправедливо устроен мир, – думал я. – У всех есть слух, а у меня нет! Жаль гада того не уследил!»

В классе проверялся Андрюха. Он учился играть на виолончели и оказалось, что у него абсолютный слух! Хоть вешайся от обиды.

Расстроенный, я отправился домой, но меня догнал Андрюха.

– Не бери в голову! – бодро произнес он.

– Ты что, ещё не навеселился? Повтори еще, что это у меня от рождения, и мне следует записаться в секцию легкой атлетики.

– Ерунда все это, научись играть не хуже других!

– Как, без слуха? А с гитарой что теперь делать? Родителям что говорить?

– Пойдем ко мне, я тебе докажу, – решительно заявил Андрюха.

Мы пошли к Андрюхе домой. По пути он объяснил мне, что дело не столько в музыкальном слухе, сколько в развитии музыкальной памяти. У Андрюхи тоже была плохая музыкальная память, и его поначалу не приняли в музыкальную школу, но настырные родители пригласили на дом знакомую учительницу музыки и она за год так натаскала Андрюху, что у того признали «абсолютный» музыкальный слух.

Мы пришли к Андрюхе в комнату, сели за пианино и вскоре я уже свободно отличал «до» от «ре» и мог найти нужную ноту в пределах одной октавы.

– Вот видишь, – торжествовал Андрюха, – что я говорил? Если бы я знал, что у тебя такая плохая музыкальная память, то позанимался бы с тобой перед сегодняшней проверкой, и ты прошел бы её за милую душу.

– А теперь спой какую-нибудь песню! – предложил он.

Песни я знал, и петь любил и заголосил что-то жалостное про журавлей, которые «высоко летят под облаками...».

– Достаточно! – остановил меня Андрюха, – Теперь послушай меня! – и он спел тот же куплет. – Похоже?

Вот уж никогда не думал, что я так перевираю мотив.

– Нет! – признал я.

– Если ты чувствуешь, что врешь мотив, то значит слух есть. Музыкант с «абсолютным слухом» даже небольшую пьесу заучивает как стихотворение. Для начала давай разучим эту песню про журавлей, – Андрюха легко наиграл мотив на пианино, – постарайся запомнить.

Разучивание этого мотива заняло у меня две недели. Андрюха критически меня проверял и, наконец, сказал, что я нигде не вру. Вторую песню про море я разучивал уже неделю, третью за день и, наконец, научился запоминать мотив, прослушав мелодию несколько раз.

Оказалось, что только я один не выдержал проверку музыкального слуха. Вскоре об этом знала вся школа. Никто открыто не смеялся, но некоторые при виде меня прятали довольную ухмылку.

Зато уроки пения стали для меня сплошным удовольствием. Я орал громче всех, нарочно так перевирая мотив, что учительница пения дергалась, как от зубной боли. Она умоляла меня помолчать. Но я твердил, что хочу научиться петь и затем поступить куда-нибудь в хор или в музыкальную школу. Учительница тактично убеждала меня, что это невозможно, что слух даётся от рождения и совершенно необходим, для того чтобы играть на музыкальном инструменте.

– А я в дирижёры пойду! Там играть не надо, буду палкой махать! – и я смотрел на учительницу ясными, честными глазами.

На ритмике я хлопал громче всех, специально не в такт, и довел учительницу музыки до предела. А когда мы пели хором, она говорила мне умоляюще:

– Белов, помолчи одну минуточку, пожалуйста! – и показывала всем, как нужно петь, а потом ещё минуточку и ещё!

– Может, мне рояль поддержать, пока вы поете? – Я тоже хочу петь!

С первых тактов песни я начинал орать во все горло, перекрикивая весь класс.

Учительница отомстила мне и выставила тройку по пению в четверти. Оказалось, что я единственный ученик в школе с тройкой по пению. Даже мой коридорный приятель – двоечник Леха Свист и тот имел единственную пятерку по пению. Правда эта пятерка всегда раздражала его мать. Увидев,

что все остальные отметки в таблице – двойка, она в истерике орала на всю квартиру: «И эта сволочь еще и поет!»

Наконец учительница пения пожаловалась директору, что со мной нет никакой возможности заниматься в классе, и они придумали хитрый финт: как только начинался урок, в класс заходила директриса и говорила: «Белов, пошли со мной!» – и вела меня к себе в кабинет, где устраивала разнос за все мои недельные проделки. Или заходил наш учитель труда и забирал меня к себе в столярную мастерскую.

Каждый день я упорно тренировался с Андрюхой, играл гаммы на пианино и разучивал кусочек из «Лунной сонаты» Бетховена, которая потрясла меня до глубины души.

Игра на гитаре тоже продвигалась успешно. Я дал себе клятву, что научусь играть, чего бы мне это ни стоило. Несколько аккордов я узнал от брата, несколько подсмотрел в соседнем дворе, где один блатной исполнял тюремную лирику.

Первая моя песня была «Ванинский порт». И больше всего мне нравились не слова тюремной лирики, сколько дыхание безбрежных просторов Колымы, которые меня всегда манили:

Пятьсот километров тайга,
Кругом только дикие звери,
Машины не ходят сюда,
Бредут, спотыкаясь, олени.

Вечером на кухне я гасил свет, чтобы не видеть лады, и тренировался до волдырей на пальцах, играя вслепую. Тут оказалось, что наша соседка умеет играть на семиструнке переборами несколько романсов. Подушечки моих пальцев огрубели, я уже спокойно прижимал к ладам тугие струны и умел извлекать из них звуки. У соседки, по её рассказам, тоже был «абсолютный слух» и она меня просто вышколила с этими романсами. Оказалось, что все имело значение: громкость звука, его продолжительность, сила, певучесть. Только к весне я стал исполнять один романс достаточно прилично. Об этом не знал даже Андрюха.

Кружок игры на семиструнной гитаре уже давно прекратил существование, так как все ученики, включая и Андрюху, его бросили. Игра на семиструнке очень сложна и требовала большого труда. Все ребята ожидали, что их научат брэнчать на гитаре, чтобы под аккомпанемент петь блатные песни.

Наконец, пробил мой звездный час. На предыдущем уроке пения я так довел своими воплями нашу учительницу, что она окончательно меня возненавидела. Перед началом очередного урока музыки, когда после звонка все зашли в класс, а учительницы ещё не было, я подошел к роялю и открыл крышку. Андрюха, дежуривший в дверях, дал мне знак, что учительница подходит к классу, и я стал тихо наигрывать вступление к «Лунной сонате». Класс в оцепенении замер. Учительница молча застыла в дверях.

Я перестал играть и осторожно опустил крышку рояля. Учительница не знала, что и сказать по этому поводу.

– Откуда ты умеешь играть? – наконец спросил она.

«От верблюда!» – злорадно выкрикнул мой первый внутренний голос, а вслух я с отрешённым видом юного Бетховена спокойно и немного задумчиво ответил:

– Утром по радио услышал красивую мелодию, подошел к роялю, ну и пальцы как-то сами стали играть.

Во время занятий учительница бросала в мою сторону подозрительные взгляды. Наконец, она не выдержала, пригласила к роялю и попросила отвернуться.

«Сейчас опять музыкальный слух проверять начнет», – подумал я и не ошибся.

Учительница взяла верхнее «до». Я знал, где находится эта клавиша, но, для куражу, взял на две октавы ниже, быстро перебрал пальцами левой руки гаммы и остановился на верхнем «до».

– Садись! Что с тобой случилось? – спросила учительница.

– Да ничего вроде, – ответил я, – правда, недавно под грузовик попал и сильно ударился головой.

Вечером в школьном саду я на своей чёрной гитаре переборами играл романс. Из школы стайкой выпорхнули девчонки, занимавшиеся в секции художественной гимнастики, и среди них та, в которую я был влюблен.

– Подошла... а... а... а,

С чуть прищуренным взглядом,

Хулигана свела ты с ума... – заголосил я.

Девчонки засмеялись.

На другой день утром до начала занятий я пробрался по карнизу второго этажа к окну учительской послушать, что скажет обо мне учительница музыки.

– От этого типа можно ожидать чего угодно. Я лично уже ничему не удивляюсь, – заявила географичка.

«Тип – это, наверное, про меня!» – сообразил я.

– Уверяю вас – это от пургена! – короткими очередями трещала математичка, – он на него и на некоторых других... как-то благотворно действует.

– Конечно, а иначе с какой радости эта троица вдруг стала через коня прыгать, – поддержала физкультурница, – мне самой его не перепрыгнуть. Я трусиха страшная. А теперь еще и Роберман к ним присоединился. Тощий, сутулый, разбегается боком, словно краб, а потом – скок и перемахивает коня.

– Белов говорит, что недавно под машину попал и сильно ударился головой, – услышал я голос учительницы музыки, – может от этого? Что вы на это скажете, Мария Андреевна, – обратилась она к биологичке.

– Все это глупости! – возмутилась биологичка. – Не знаю, как у вас в математике, Мария Ивановна, но, ударившись обо что-нибудь головой или приняв целую пачку слабительного, никакой человек не сможет сыграть гамму. Я в детстве рыдала над этими гаммами, когда родители заставляли. А «Лунную сонату» три года разучивала. Как говорите, он сыграл вступление правильно?

– Ну, в общем, сносно.

– Конечно, Белов придуривается, а сам, наверное, в музыкальной школе учится. Надо узнать у родителей.

– А с математикой как же? – обиделась математичка. – Тоже скажете «придуривался?» Все бы так придуривались! Как они быстро в уме извлекают кубический корень я выяснила, а все остальное?

– А через коня прыгать? – поддержала математичку физкультурница, – почему-то только эта троица и может да еще Роберман. И главное, здесь храбрость нужна, преодоление собственного страха. Белов и Сундуков

занимаются мужественными видами спорта – боксом и борьбой, а Роберман с Панкратовым трусы, и даже ни одного раза подтянуться не могут.

– Не могу поверить, чтобы от пургена становились храбрыми, – усмехнулась биологичка.

«Все-таки, учительница биологии у нас в школе самая умная!» – подумал я и осторожно развернулся на узком карнизе.

В самом опасном месте надо было обогнуть жестяную водосточную трубу. Неожиданно кусок её оторвался, и я с короткой толстой трубой в руках полетел вниз. Как кошка, развернувшись в воздухе, я отбросил в сторону кусок трубы и удачно приземлился на кучу сырого песка. Мы с ребятами почти каждый день на стройке прыгали со второго этажа на песчаную кучу, так что для меня это было вовсе не трудно. Я уже хотел встать и отряхнуть руки, но тут услышал истошный вопль, наверху кто-то заметил, как я падал.

Машинально я повалился на бок, изображая человека, потерявшего сознание, и, чуть приоткрыв глаза, взглянул вверх. На меня глазели сразу из нескольких окон, в том числе и из учительской. Действительно, придуриваться я был мастер! В сад выбежали ребята и учителя. Я закатил глаза вверх и приоткрыл веки, так что стали видны одни белки. Жаль, что приходилось все делать экспромтом, а то неплохо было бы сейчас раздавить во рту зубами несколько клюквин и выпустить из уголка рта тонкую струйку крови. Но вспененная слюна тоже впечатляет. Когда приехала скорая, я сделал вид, что пришел в сознание и, лежа на носилках, слабо помахал всем рукой на прощанье.